

ОЛЬГА РОЖНЁВА

Дальские тайны

И ДРУГИЕ
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Ольга Рожнёва

**Лальские тайны и другие
удивительные истории**

«Новая мысль»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рожнёва О. Л.

Лальские тайны и другие удивительные истории /
О. Л. Рожнёва — «Новая мысль», 2017

ISBN 978-5-902716-50-1

Удивительные события происходят в жизни обыкновенных людей в новой книге Ольги Рожневой. Всё в этом мире призрачно, непостоянно, тленно, а Господь всё время с тобой. Бог заботится о нас каждую минуту как о своих малых детях. Новые рассказы известного автора читаются на одном дыхании и будут, несомненно, интересны самому широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-902716-50-1

© Рожнёва О. Л., 2017
© Новая мысль, 2017

Содержание

Предисловие	6
Мера жизни	7
Житейское море	12
Лальские тайны	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Рожнёва
Лальские тайны и другие
удивительные истории

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р17-619-0727

Предисловие

Дорогие читатели!

Многие православные России знают об удивительном «стоянии» девушки Зои из Куйбышева, которая окаменела во время танца с иконой святителя Николая Чудотворца в руках. Но этот случай не был уникальным, подобные ему происходили и в других городах России, просто они не стали так широко известны.

Об одном таком случае рассказывается в увлекательной и душеполезной повести «Лальские тайны»: в Страстную Субботу 1942 года несколько девушек Лальска спешили на танцы, но им преградил дорогу незнакомый старец. Он посоветовал девушкам вместо клуба пойти в храм, на что одна из них, Валентина, ответила задорным смехом и танцем прямо на мостовой. Наутро девушка окаменела, тело её стало как деревянное. Последовавшие за этим события удивительны и чудесны, они укрепляют в вере и предостерегают не чтущих православные святыни.

Повесть основана на реальных событиях и написана по воспоминаниям верующих Лальска.

Прочитав эту книгу, вы также узнаете:

- почему на Литургии никогда не бывает пусто
- что такое семейный крест и в чем его тяжесть
- почему фальшивомонетчик Цыган явился с повинной
- в чем мера жизни
- как лальская комсомолка Валентина стала прозорливой старицей
- что делать, если твой начальник творит дела несправедливые, а ты не можешь этому воспрепятствовать
- почему принял монашеский постриг игумен Савватий
- как Архангел Михаил открыл и спас свой монастырь
- об удивительном путешествии в горный греческий монастырь и монастырь на острове Тасос
- как преподобный Иосиф Исихаст сам строил свой храм
- о чудесах святителя Николая Чудотворца
- и многое другое

Книга написана по благословию и с молитвой. Помощи Божией всем её читателям во всех благих начинаниях! Храни Господь!

Ольга Рожнева

Мера жизни

Люди живы настолько, насколько в них живет Бог. Ибо только Бог – жизнь. Есть живые и неживые, что зависит от меры Бога в них, меры жизни, которую они несут в себе. Со страхом говорю тебе: есть неживые люди.

Хотя неискушенным они кажутся такими же живыми! Они же существуют! Разве их нет? – спросишь ты.

Да, но и, когда угасает костер, дым еще долго витает над пепелищем.

Святитель Николай Сербский

Сергей: Мне исполнилось сорок два года, когда я попал в страшную аварию. В больницу поступил в сознании. А потом все забыл: неделя до аварии и неделя после – стерлись начисто. Короткая память пропадает при такой травме. Мне потом рассказали, как после работы мы выпили и поехали в ночной клуб. Я тогда часто пил – любил это состояние легкого и не очень легкого опьянения, когда настроение приподнятое. Любил музыку, рестораны. Много курил. Мне регулярно приходилось вести переговоры с бизнес-партнерами, а после переговоров, известное дело, культурная программа: застолье, сауна...

Так-то жили мы с женой хорошо. Зарабатывал я всегда прилично. Мы с ней увлекались дайвингом, на яхте путешествовали. Дочка росла, все для нее было самое лучшее. Я много ездил по своей стране и по другим странам в командировки. Видел у нас в России много очень умных, образованных людей, которые жили совсем бедно. А мне как-то все само шло в руки. И поэтому, если Лена упрекала меня, что часто пью, я обычно отвечал: «Я вас кормлю – что вам еще нужно?!»

За несколько лет до аварии ездил на юг в командировку. Меня хорошо встретили, мы изрядно выпили после переговоров. И вот ночью меня нашли пьяного у гостиницы с сильно разбитой головой и сломанной голенью. Сложный был перелом, и нога висела на тканях. В возбуждении уголовного дела милиция отказала: было непонятно, что произошло. То ли меня машина сбила, то ли я с лестницы упал и приполз. Страховая компания меня опрашивала, а что я мог сказать? Упал, очнулся, гипс? Это был серьезный знак, предупреждение такое. Но я этого знака совершенно не понял, не внял ему и продолжал вести прежний образ жизни.

И вот, когда мы ехали после работы в ночной клуб, чтобы там продолжить и, так сказать, усугубить, моя машина влетела под фуру. У меня есть фотография, я вам покажу: глядя на разбитую машину, можно только удивляться, как ее водитель смог остаться в живых.

Мне рассказали врачи, как они меня проинформировали:

– У вас разбит череп, сильно пострадало лицо, почти оторван нос, вытекает жидкость. Также сломаны ребра и повреждены легкие.

И я ответил:

– Тогда убейте меня. Я не хочу быть обузой близким.

Лена: В Бога мы верили, как это принято говорить, в душе. Перед аварией как раз окрестили дочку. Пришли в церковь взбудораженные, веселые, а на душе у меня как-то тревожно было. Что-то смущало, беспокоило. Священник благословил выучить молитвы – я выучила «Отче наш». До этого даже и не знала.

Перед аварией вечером поговорила с Сережей по скайпу. Он был в другом городе в офисе по работе. Когда отключилась – думаю: что бы мне почитать вечером. И вот крутится у меня в голове имя Серафима Саровского. Это было совершенно непонятно и удивительно: человек я нецерковный и совершенно не знала, кто такой Серафим Саровский и как он выглядит.

Вышла в интернет и прочитала о нем. Это было – что-то! Его житие меня просто потрясло! Как гром среди ясного неба! Я заплакала – и решила ему помолиться.

Это было совершенно удивительно, потому что никогда раньше желания помолиться у меня не возникало. Потом прочитала: когда Господь хочет кого-то спасти, внушает людям молиться за этого человека. Тут же в интернете нашла молитвы – и помолилась за мужа, дочь, нашу семью. Как узнала позднее – все совпало во времени: я молилась в первый раз в жизни за своего мужа, когда его машина летела под фуру и жизнь его висела на волоске.

После молитвы уснула. Утром звоню Сергею – а он трубку не берет. Внутри все оборвалось, время остановилось. Звоню его коллеге. Отвечает: он не пришел на работу. Был день рождения нашей дочери, вечером ждали гостей, ее подружек, родственников – а я готовить ничего не могу, все из рук падает. Мама Сережи спрашивает: «Что с тобой?» А я боюсь ей сказать, вдруг он просто где-то лишнее выпил. Отвечаю: «Все в порядке!»

Он не появился и к вечеру – тогда мы с мамой стали его искать. Очень быстро узнали, что Сережа в реанимации, доставлен в тяжелом состоянии. Мы поехали в больницу.

Врач посадила нас вначале, только потом стала говорить:

– До операции он сказал нам: «Мою жену зовут Лена». Значит, Лена – это вы? Вашему мужу сделали трепанацию черепа. Он в коме. Когда выводить будем – пока не знаем. После таких травм непонятно: узнает ли он вас? Сохранит ли интеллект? Сможет ли сам ходить и даже сам есть?

Компаньон по бизнесу немного навязчиво ходил везде за нами, присутствовал при всех разговорах с хирургом, пристально наблюдал... Переживал за бизнес, поскольку многое держалось именно на Сергее. Я за бизнес не переживала – думала только о его жизни. Я его очень люблю.

Меня послали за вещами Сережи. Все было пропитано его кровью. На обручальном кольце тоже кровь. Это было страшно. Наконец наспустили в палату. Мы его увидели: у него была большая черная голова, разбухшая от отеков – как воздушный шарик. Переломано основание черепа, раздроблены лицевые кости, почти оторван нос. Весь в проводах и трубках, леденящий душу звук аппарата искусственного дыхания... Но он теплый, у него поднималась грудь и билось сердце – мое любимое большое сердце!

Сергей: Три недели комы и две недели между жизнью и смертью. Мне давали сильнодействующие наркотики – человек не спит, но ничего не чувствует и не соображает. Постепенно дозу лекарств стали снижать – и я постепенно начал немного чувствовать и что-то понимать. Запомнилось, как ко мне пришел мой отец, а я сижу в кресле. И отец смотрит на меня испуганно и спрашивает у врача:

– Он теперь всегда такой будет?

И у меня мозги так медленно соображают: какой – «такой»? И потом вижу себя как бы стороны: бессмысленный, отсутствующий взгляд и слюни текут изо рта, стекают по подбородку. Из глаз слезы текут.

Полный идиот. И тогда мне самому стало страшно. Я начал осознавать себя.

Особенно запомнилась ночь, когда я уже почти полностью все осознавал. Помню, как мне было плохо, как хотел пить – и не мог дотянуться до стакана с водой на тумбочке. Оказывается, мышечная масса теряется очень быстро, и я сильно ослаб. А попросить воды не мог – не было голоса. Санитары – молодые парни, видимо, не понимали, что я не могу дотянуться до воды. Пить жутко хотелось – я испытывал настоящие муки. Пытался поднять руку – и сил не хватало. Единственное, что мог, – пальцами шевелить. И я стянул с пальцев датчики для измерения пульса – тогда прибежали санитары, снова укрепили датчики и пригрозили, что свяжут меня. А воды не дали.

Когда Лену пустили наконец, она сразу догадалась, что я хочу пить. Спросила:

– Почему вы не давали ему воды?!

Они ответили:

– Так вот же на тумбочке стакан с водой стоит!

Лена: Мне не разрешали находиться с ним в реанимации, но я уже знала, что нужно делать, – нужно молиться. Каждый день читала акафист преподобному Серафиму Саровскому. Три раза в день читала канон за болящего. Не могла есть и пить, не могла спать. Как будто, когда я не молюсь, ему хуже.

Как-то ночью лежала дома в постели, но спать не могла – душила боль, меня всю коло-тило. С закрытыми глазами начала повторять имя Господа нашего Иисуса Христа: «Господи Иисусе Христе, Господи Иисусе Христе...» И это была, как я сейчас понимаю, моя первая Иисусова молитва.

И вдруг – как вспышка перед глазами – Пресвятая Богородица с Младенцем Христом. Такая, какой Она изображена на Владимирской иконе. И я перестала трястись – ощутила мгновенное утешение. Пришла уверенность, что все будет хорошо.

Потом я поняла, что мне нужно на исповедь. Никогда в жизни не исповедовалась. И даже не понимала – не видела своих грехов: а в чем же я грешна? Вроде бы и грехов-то никаких нет! Тому, кто привык к исповеди, это может быть непонятно, но на самом деле нецерковному человеку, который никогда не прибегал к таинству Исповеди и не совершал каких-то грубых грехов, бывает совершенно непонятно: в чем каяться?

Но, судя по канонам, которые я читала, я точно была грешная. Если даже преподобный Серафим Саровский называл себя грешником, что было говорить обо мне?! И я стала молиться:

– Господи, дай мне увидеть мои грехи!

И через неделю я осознала эти грехи. Поняла так ясно, что грешна в том, и в этом, и в другом. Мало того, что осознала. Раньше я думала: за что мне такая трагедия?! А теперь пришло чувство: да я по своим грехам достойна и большей скорби!

Сергей начал выходить из комы в конце февраля. Двенадцатого марта его перевели из интенсивного отделения терапии в общее. К концу марта выписали и назначили курс реабилитации. В середине мая он снова начал работать.

Сергей: Окончательно осознал себя я только в марте. Были мысли: зачем я выжил?! Я не мог пройти пешком двести метров! Сил не стало, а я всегда был крепким и сильным мужчиной. Бывшие друзья куда-то все пропали... На прежней работе я пока не мог работать – да я ходил с трудом! Когда на тебя деньги сыплются – у тебя много друзей. Куда они потом все делись – я не знаю... Ни одного не осталось!

Но к Богу я не пришел. Начал читать про познание самого себя, увлекся нейролингвистическим программированием – НЛП.

Лена сильно изменилась за два с половиной месяца. Мы всегда хорошо понимали друг друга. А тут я перестал ее понимать. Я-то как бы два месяца спал и проснулся таким же, каким был раньше. А она за это время прошла огромный, как я сейчас понимаю, путь.

Лена: Я действительно сильно изменилась за два месяца. А он – нет. И он меня не понимал. Все рассказывал мне про НЛП. Я уже не могла жить без молитвы, начала соблюдать посты, а он говорил мне:

– Не заикливайся на религии! На Бога надейся – а сам не плошай!

А у меня не было еще никакого понимания о православии, никаких убедительных аргументов. Только вера. И еще у меня были Пресвятая Богородица и преподобный Серафим Саровский.

Я стала иначе относиться к жизни: стала равнодушна к мирским развлечениям, к вещам. Дала обет: не покупать обновок и косметики. Я мечтала раньше отпуск на яхте провести – и вдруг все это потеряло для меня ценность, стало пустым времяпрепровождением. Кто испыты-

вал действие призывающей благодати, которую Господь дает впервые приступающему к Нему человеку, – тот меня поймет. А Сережа не понимал...

Я давала ему читать духовные книги, пыталась что-то рассказать, а он раздражался, и мы ссорились. И вот один раз мы поссорились, я сильно рассердилась – и вдруг ощутила, что стала такой, как раньше! Даже хуже, чем раньше! Благодать отступила от меня – и я снова почувствовала интерес к миру, и этот мир обрушился на меня всеми своими соблазнами! Прежние страсти всколыхнули душу.

И тогда я осознала, что это произошло промыслительно – для того, чтобы я поняла состояние Сережи, поняла, что только благодать Божия даровала мне все. Это не я сама такой верующей и ревностной стала – это все действие благодати, дар Божий! И если благодать отступит от меня – я все потеряю!

И я перестала спорить с мужем. Больше не пыталась его обратить в веру. Стала только молиться за него: «Господи, дай ему веру!»

Так прошел год. Мы жили мирно, я утром и вечером молилась. И Сережа стал вставать рядом со мной. Но жаловался, что у него нет веры. Я продолжала молиться за мужа. Прошел еще год. Сергей полностью восстановился. Только шрамы по контуру лица, впрочем, малозаметные, напоминали о страшной аварии. Мы поехали в паломническую поездку.

Сергей: В нашей группе была монахиня, мать Нина. Она сказала мне:

– Синай – это гора пророка Моисея. Здесь Сам Господь говорил с пророком из куста Неопалимой Купины, здесь Моисей получил Заповеди... Вы не случайно оказались в этом священном месте. Будешь подниматься на гору – вспомни все свои грехи. Иди и читай Иисусову молитву!

И вот мы поднимались ночью на гору – и я читал Иисусову молитву и старался вспомнить свои грехи. Ничего не вспоминалось, точнее, вспоминалось, но как-то вяло: да, есть грехи... у всех есть грехи... и у меня тоже есть грехи...

Было холодно, дул ветер, изредка снизу, из мрака, появлялись бедуины-торговцы, быстро обгоняли нас и исчезали в темноте. Огромное звездное небо, холодные горы, острые зубцы скал, черные провалы, светлячки-фонарики в руках паломников, силуэты верблюдов. Отчего-то вспомнил Честертона. Этот благородный рыцарь-командор писал иногда необычные слова, словно пытаюсь увидеть в тварном нетварное: «Здесь живет верблюд, наш странный друг, доисторический домашний зверь. Никто не знает, был ли он диким, и, глядя на него, нетрудно подумать, что звери вообще были когда-то ручными».

Понял, что отвлекся от молитвы, – и стал снова повторять: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Вокруг царили какой-то космический, нездешний холод и неотмирная тишина, которую нарушало только шуршание ног о мелкие камни. Я шел и молился – и сначала мне казалось, что я занимаюсь каким-то совершенно бессмысленным и бесполезным делом. Зачем я вообще полез на эту гору?! Для чего повторяю эти странные слова, которые называют молитвой?!

Нас в детстве воспитывали атеистами. Я ходил в атеистический кружок. По заданию учителей рисовал атеистические плакаты. Я всегда был лидером – как-то получалось, что люди ко мне тянулись. Занимался туризмом в школе – устраивал туристические слеты, ездил в пионерские лагеря. Был примерным комсомольцем, комсоргом, председателем совета дружины. Даже в «Орленок» ездил. Верил в коммунизм. А теперь я поднимался на гору Синай и читал Иисусову молитву. Это было нелогично, непонятно... И я не знал: и зачем я это только делаю?!

А потом что-то стало меняться. Я не понимал, как и почему, но что-то стало очень сильно меняться во мне. Со мной происходили странные вещи – отчего-то я чувствовал себя все больше и больше грешным... Внезапно у меня перехватило дыхание и потекли слезы. Я шел, плакал и думал: «Что доброго сделал я в жизни?! Вот умру – кто пожалеет?! Мать, жена и дочь. И все... Кому я нужен – такой грешный жук навозный?! Как я жил?! Как мог потратить лучшие

годы своей жизни так глупо, впустую, гоняясь за бесконечными развлечениями?! Драгоценное время, которое проводил пьяным, с сигаретой в руках, забывая утром о том, что делал вчера?! Среди людей, которых считал друзьями и которые исчезли, как только попал в беду?!»

Мы поднялись на вершину – и начался восход солнца. Огромное красное светило поднималось медленно, освещая необычные, неземные горы, словно сохранившие свой первозданный вид от сотворения мира. Время будто застыло здесь, остановило свой ход. Светилось все небо, краски менялись, переливались, сияли.

А я уже плакал взахлеб, слезы текли не переставая. Не хотел плакать – слезы сами лились. И я почувствовал: все – это новая жизнь! Господь дает мне еще один шанс! Он оставил меня в живых для покаяния. Чтобы жить между страхом и надеждой.

Чтобы искупить свои грехи. Нужно молиться, нужно делать добрые дела! Это был перелом в моей жизни.

Лена: Он заплакал на вершине горы и плакал потом всю дорогу. Во всех монастырях он забивался в угол, прятался – и плакал там. Я видела, что он молится от всего сердца. Я просила, чтобы Господь дал ему веру, – но даже сама не ожидала, что это произойдет с ним так сильно, так явно...

Он начал исповедаться, причащаться. Потерял интерес к мирским развлечениям. Больше не пьет. Курил двадцать пять лет – бросил. Его жизнь полностью изменилась. Мы стали ездить на Валаам, в Вырицу, к святому Александру Свирскому, в Оптину пустынь.

Я поражаюсь тому, как Господь отвечает на молитвы!

Сергей: Я стал снова хорошо зарабатывать. Объявились старые друзья. А мне больше неинтересен прежний образ жизни. Я их спрашиваю: «Для чего вы живете?» А они шарахаются от меня и отвечают:

– Серега, да ты расслабься! Тебе нужно войти в колею, стать таким, как прежде!

А у меня такое чувство: я спал – а теперь проснулся.

Но если раньше у меня не было веры в Бога, то сейчас пока еще не хватает веры Богу – я все еще переживаю за завтрашний день, беспокоюсь. Нет и смирения. Гордыня настолько крепко во мне сидит – трудно с ней бороться. Всегда хотелось быть первым, а теперь я учусь смирению.

Мы с партнером по бизнесу решили не нанимать уборщицу – офис небольшой, сами приберемся. И он очень быстро скинул все обязанности по уборке на меня. И вот я мою полы в офисе, мою туалет, убираю и за себя, и за него. Говорю ему: «Ножки подними». Я раньше бы его избил – а теперь только «ножки подними». Я пытаюсь рассказать ему о Боге – но он пока не особенно слушает.

У нас перевозка грузов из других стран, и вот батюшка из нашего храма попросил привезти из Германии сто килограммов зондового детского питания для больного ребенка одной прихожанки – такого качества питание только в Германии делают. Я предложил партнеру помочь им за счет фирмы – он мне отказал. Тогда я вложил свои деньги и помог ребенку. Просил еще как-то партнера помочь храму – он тоже отказал, сказал: «Нам эти деньги не вернутся». Я снова помог из своих.

Но я не хочу его осуждать – вспоминаю, каким был сам. Может, мне его Господь послал для того, чтобы я себя вспоминал и боялся стать прежним. А его сердца Бог коснется – он, может, в сто раз меня лучше станет.

Житейское море

У двери реанимации

На жестком стуле сидеть было неудобно, и ноги сильно затекли – Таня не чувствовала неудобства. Смотрела не отрываясь в матовую стеклянную дверь, но толстое стекло надежно скрывало все происходящее в реанимации.

Высокая пожилая санитарка в конце коридора, шмякнув тряпкой в старое ведро, сочувственно поделилась с закрывающей дверь гардеробщицей:

– Девочка-то все сидит... И выгнать ее жалко... Тут, видать, на стуле и ночевать собралась...

Седая гардеробщица отозвалась решительно:

– Скажи: больница закрывается! Пусть завтра приходит! Может, хоть поспит где-нибудь – а то у нее у самой вид уж больно больной...

Синяя лампа над стеклянной дверью, синий тревожный полумрак. За больничным окном кружит февральская метель, бросает в окна пригоршни снега. Дочка Машенька, наверное, замерзла, и некому укрыть ее мягким домашним одеялом. Сама Таня не чувствовала холода, не помнила, когда ела, – весь мир для нее сейчас сосредоточился за дверью этой реанимации.

Она хорошо знала, что там происходит: сама уже несколько лет после окончания медицинского колледжа работала в отделении реанимации областной клинической больницы.

Таинственное отделение. Во-первых, почти закрытое для посторонних. Во-вторых, за плечами каждого попавшего сюда стоит смерть. А смерть – это всегда тайна. Она дышит в затылок. Поджидает слабеющий пульс на сонке, вылетевшую дренажную трубку, любой просчет, любой промах врача.

Реанимация – на стыке двух миров. Бывает, лежат еще живые, а мозг мертв. Бывает, наоборот, отключают от системы – а почивший оживает. Здесь как нигде близок Господь и ангелы-хранители не дремлют. Врачи тоже чувствуют легкое дыхание смерти и слышат шум ангельских крыльев. Они не думают об этом, они отмахиваются от мистики – иначе можно сойти с ума. Но их души знают больше, чем допускает рассудок.

Аппарат наркозный, аппарат искусственной вентиляции легких. Монитор на пять параметров: оксиметрия, артериальное давление, электрокардиограмма, частота дыхания, температура. Монитор нейромышечной передачи, монитор глубины анестезии. Дефибриллятор, аспиратор, электрокардиостимулятор. Ультразвуковой аппарат с системой навигации для анестезии, пункции и катетеризации центральных и периферических сосудов. Набор для интубации трахеи. Дренажные трубки. Оголенные люди. Открытые раны.

Посторонние от одного вида оборудования бледнеют. Многие процедуры без привычки даже наблюдать страшно. Не выдерживает психика неподготовленного посетителя вида близкого ему человека с несколькими дренажами, торчащими из живота, катетером в мочевом пузыре и интубационной трубкой в горле. Таня была подготовленной.

По каждому показанию разработаны алгоритмы. Нужно делать все быстро и точно. Впадение в кому среди полного здоровья? Венозный доступ с последующей инфузионной терапией, ЭКГ, общий и биохимический анализ крови. СКТ. МРТ. Беседа с родственниками, выяснение причины комы.

Если пострадавший поступает с ДТП и находится в тяжелом, бессознательном состоянии, есть большой риск, что он перестанет дышать и просто умрет на каталке. Поэтому первым делом производится интубация трахеи и подключение к аппарату искусственной вентиляции

легких, катетеризация подключичной вены, противошоковая терапия (гормоны, рефортан). При потере крови – введение плазмы и эритромаcсы.

Таня хорошо знала все алгоритмы интенсивной терапии, была готова к самым тяжелым случаям. Она не была готова только к одному – к тому, что сама окажется посторонней в этом отделении. Будет сидеть за стеклянной дверью, бессильная помочь.

Сколько себя помнила – всегда мечтала стать врачом. Мама не успевала стирать и сушить ее игрушки: дочка ставила им уколы и без конца закачивала воду в мягкий мишкин зад, мазала чем придется ухо зайцу, проводила операции. Мама болела диабетом, и Таня мечтала изобрести лекарство от этой болезни.

У нее очень хорошо шла математика в школе, учительница предрекала ей чуть ли не славу Софьи Ковалевской и была поражена до глубины души, можно сказать, оскорблена в своих лучших чувствах, когда любимая ученица поступила не на матфак, даже не в мединститут, а просто в медицинский колледж.

А у Тани в одиннадцатом классе умер папа, и мама сказала: «Институт не потянем – иди, доча, на фельдшера». «Как правило, высокие стремленья находят злого недруга в судьбе, при- выкшей палки ставить нам в колеса»... Таня росла домашней, скромной девочкой и с мамой спорить не стала. Поступила легко.

Этой сероглазой девушке с толстой русой косой было много дано от природы, а от себя она добавила еще любознательность, трудолюбие, ответственность. Ничего удивительного, что быстро стала лучшей студенткой на курсе. Не понимала, как можно не учить предмет, готовить шпаргалки, – как же потом работать без знаний?

Родись она в начале века – пошла бы учить крестьянских детей. Или на фронты Первой мировой – медицинской сестрой. Вполне могла бы ее легкая фигурка облечься и в монашеский подрясник.

Окончила с красным дипломом, конечно. Работу тоже искала посложнее – хотелось людям помогать. Взвалила на плечи сразу почти неподъемное – пошла в реанимацию. Мама поглядывала тревожно:

– Доча, не надорвись! Сердечко у тебя слишком нежное – побереги себя!

Мертвые глаза у живого человека

Действительно, на работе первое время сильно плакала. Потом стало легче, но все равно многое принимала слишком близко к сердцу. Бывали такие пациенты, которые западали в душу. Это зависело от многого: от времени, проведенного рядом с ними, от возраста, от самих людей. Некоторые умирали быстро, почти сразу после поступления: есть травмы, несовместимые с жизнью. Таким, конечно, сочувствовала, но не успевала к ним привыкнуть, чтобы оплакивать. Умирали совсем старые, в елее мастите, как сказано в Писании: «И скончался Авраам и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный жизнью». Это было одно. А когда юные – это совсем другое.

Палата – три пациента и ее стол. Неутомимые софиты под потолком. Всегда свет. Вечно уставшие глаза. Неумолкаемый свист, писк, потрескивание мониторов и приборов. Стон, бред, крик, храп, предсмертное хрипенье. Кровь, гной, кал, рвотные массы.

Самым добрым врачом в их реанимации был Андрей Палыч – высокий, рыжий, кудрявый. Настоящий профессионал и к тому же веселый человек. Видимо, юмором ограждал себя от стресса. Иногда помогал Тане и шутил: «Я там больному хавчик подготовил!» Это означало, что он собрал питательную капельницу, и Тане осталось ее только подключить.

Когда у кого-то из пациентов начинались боли, он командовал Тане:

– Плесни-ка ему кеторольчика в вену!

В реанимационных палатах сестры и санитарочки регулярно проводили генералку: выкачивали все кровати, тумбочки, аппараты, штативы для капельниц в коридор и дезраствором обрабатывали стены, потолки – все, что можно обработать. И вот как-то раз их Палыч шествовал мимо и внезапно с серьезным выражением лица схватил штатив, будто микрофон, и, как настоящий рок-певец, громко затянул:

– Сим-о-о-о-на, девушка моей мечты!

На главном аккорде в реанимацию зашел главврач...

Те, кто попадали сюда, редко находились в сознании. Когда приходили в себя и им становилось лучше, их чаще всего отправляли в профильное отделение.

Но попадались и такие, кто лежал достаточно долго. Они успевали войти в душу – незаметно, ненароком. Просто рассказывали что-то – короткое, но важное для них. А ты мог тоже чем-то поделиться. Невзначай. И тогда происходило сближение, и они становились уже не просто очередными пациентами, а личностями, близкими людьми, обретали прошлое и настоящее, воспоминания и мечты. Когда умирали такие – она плакала, как в первый год работы. Напарница уговаривала:

– Таня, не сближайся с пациентами, не разговаривай с ними, не узнавай ничего о них, кроме того, что касается лечения. Не позволяй им войти в твое сердце! Оно не безразмерное!

А у нее так не получалось. Первым, кто сильно запал в душу, был парень, упавший с мотоцикла. Сильный, красивый, молодой – и безнадежный. Он сломал шею, а когда происходит такая травма, все, что ниже перелома, полностью выпадает. Такой больной даже дышать сам не может, потому что все, что ниже, не работает. Если выживет – начинается застойная пневмония и, чаще всего, летальный исход.

И вот этот парень был безнадежен. Множество неоперабельных язв в кишечнике. Из-за того, что нарушена иннервация, кровь текла из заднего прохода, как лава. Она видела, как отчаянно хотел он жить. Не хотел умирать в полном сознании в белой холодной палате среди чужих людей, для которых он был не Васькой, как звали друзья, не Васильком, как мама, а просто пациентом.

Она жалела его, подходила чаще, чем нужно, чтобы как-то утешить, поддержать, вытирала ему влажными салфетками лицо – и он плакал. Плакал и все пытался поцеловать ей руку в благодарность за то сочувствие, которое читал в ее глазах.

Тяжело на душе бывало также, когда состояние человека улучшалось и его уже собирались переводить в профильное отделение, а он внезапно впадал в кому и умирал. Такое случалось при травмах головы.

Такие травмы – они очень коварные. Многих больных медики не могут спасти, потому что погибает мозг. Если больному, находящемуся в бессознательном состоянии, приоткрываешь веко и зрачок на свет сжимается – мозг жив. А когда зрачки не реагируют на свет – мозг умер. Таким пациентам смачивали роговицу, предохраняя ее от пересыхания, а жить они могли еще долго.

Обычно больных с травмой головы переводили на искусственную вентиляцию легких: гематома сдавливает важные центры дыхания, и может начаться гипоксия. Бывает, больной хороший, и вроде несильно пострадал, и сам хорошо дышит, и неопытный врач не переводит его на искусственную вентиляцию легких. А у него развивается после травмы отек – медленно, незаметно. На третьи сутки начинается гипоксия, состояние ухудшается – и больной впадает в кому. Вот только что человек был живой, и вроде состояние хорошее, и сам дышит – и вдруг кома. Поднимаешь веко – а зрачок уже неживой. Мертвые глаза у живого человека. Это страшно. И уже никакой надежды.

Ее дочка тоже была безнадежна. Она умирала сейчас там, за этой стеклянной дверью, – а Таня даже не могла быть с ней рядом.

Зыбкие волны житейского моря

Почему это случилось именно с ней? Жизнь складывалась так счастливо: любимая работа, замужество по любви. Муж Андрей – умный, добрый, заботливый. Хорошо зарабатывал, помогал по хозяйству.

Она чувствовала себя очень счастливым человеком. Родился сын, хорошо рос, развивался – на радость родителям. Потом дочка – тоже радость. Муж помогал купать детишек, не чурался сам памперсы поменять – был хорошим отцом. Таня часто звонила ему, спрашивала, когда придет с работы: рядом с ним ей всегда становилось уютно, спокойно. Она могла иногда вспылить – он никогда не отвечал резкостью. Улыбнется:

– Что ты рычишь, котенок?

И она сразу успокаивалась.

И вдруг такая трагедия – страшная болезнь Машеньки. Диагноз смогли поставить только в Москве – заболевание двигательных нейронов спинного мозга. Редкая болезнь.

И все рухнуло. Началось заболевание внезапно, на фоне полного здоровья. Как прав был святитель Игнатий «Брянчанинов»: «Все мы ходим по зыбким волнам житейского моря, колеблемого и возмущаемого различными превратностями. Какая неверная стихия под ногами нашими! Мы не можем знать, что случится с нами чрез кратчайшее время. Самые сильные превращения в жизни нашей совершаются неожиданно, внезапно».

Как-то вечером она доставала дочку из кроватки – а у малышки ручонки обвисли и висят как тряпочки. *Лежит* как лягушонок – и ничего у нее не двигается: ни ручки, ни ножки. Бросились по врачам. Она сама перевернула гору литературы. И когда в Москве поставили диагноз, поняла: это все, конец. Заболевание врожденное, но у некоторых больных проявляется не сразу, в более позднем возрасте. Если стартует до года – значит, тяжелая и быстро прогрессирующая форма. Дочке был всего месяц.

Когда у Машеньки начались дыхательные затруднения, Таня испугалась: умрет некрещеная. Она купала дочку дома каждый день, и та даже пальчиком не шевелила, а когда батюшка погрузил ее в купель – она прямо вскинула обе руки вверх, так что все ахнули. Тогда появилась надежда.

Надежда окрепла, когда очень хорошо подействовал препарат прозерин: исчезли дыхательные расстройства.

Один день ничего не решит

В Москве сказали, что требуется очень сложное лечение и это будет стоить больших денег. Времени ждать нет. Таня обратилась за помощью – и им помогли. Простые, незнакомые люди переводили на счет – кто сто рублей, кто пятьдесят, кто пятьсот. Спаси их Господи за их милосердие! Помогли организации, где работали они сами, родители, друзья.

С тех пор Таня тоже внимательно читала просьбы о помощи и отзывалась на них. Переводила деньги. Даже если в кошельке оставалось немного – все равно переводила. Хоть сто рублей. Девчонки с работы смеялись:

– Дурочка! Чем помогут твои сто рублей?!

– Девочки, мои сто, ваши сто – и собираются миллионы!

Нужная сумма на лечение Машеньки была собрана в феврале. Дули ледяные февральские ветры, мели выюги. Нужно было ехать в Москву в медицинский центр – а у дочки комбинезончик такой тощенький, осенний. И она решила съездить на рынок, купить хороший теплый комбинезон. Мама просила:

– Вы же деньги собрали, езжайте!

А она ответила – никогда не забудет свои слова:

– Мама, один день ничего не решит!

Купила Машеньке чудесный сиреневый комбинезон – мягкий, теплый. И они с Андреем повезли дочку в Москву. Ехали счастливые: деньги собраны, им помогут. И вдруг Машенька перестала дышать и посинела. Таня закричала – и муж свернул к первой попавшейся на пути больнице. Это оказалась очень хорошая Российская детская клиническая больница, но не тот медицинский центр, куда они ехали.

Дочку подключили в реанимации к аппарату искусственного дыхания. Приехал врач из медицинского центра, осмотрел ребенка и вздохнул:

– Все. Мы больше ничего не сможем сделать – время ушло.

Как Таня кричала! Она просто кричала в голос, и прибежали медсестры, ей вкололи успокоительное. Муж как-то быстро уехал, и она осталась наедине со своим горем. Так окончилась счастливая жизнь Тани.

Бальзам на душу

Четыре месяца Машенька лежала в реанимации, и Таня первое время просто сидела днями на стуле в коридоре, забывая о еде, обо всем. Пила воду из-под крана в туалете и снова возвращалась на свой пост. Потом ее стали гнать, сетовать, что вид у нее – краше в гроб кладут и скоро она сама отправится на тот свет – раньше дочери. Это несколько встряхнуло ее, и она огляделась вокруг, прошла по окрестностям, сняла самый дешевый номер в ближайшей гостинице. Купила в ближайшем магазинчике хлеб, пакет кефира. Есть совершенно не хотелось. Но нужно было поесть – она должна оставаться здоровой и сильной. Силы могут понадобиться.

Порядок был такой: в одиннадцать утра и шесть вечера из реанимации выходил доктор. Его уже ждали мамочки – бледные, трепещущие, часто в слезах. Доктор, усталый, озабоченный, громко сообщал сведения о детях: «Вашему ребенку лучше. Вашему ребенку хуже...» И все расходились до следующего раза.

Как-то Таню осенило. В одиннадцать утра она выслушала очередные сведения о детях, но в гостиницу не пошла. Поехала к святой блаженной Матронушке. Выстояла огромную очередь на морозе. И когда зашла в уютный теплый храм, убежище от зимних вьюг и жизненных ветров, увидела, что прямо у входа есть такая дверочка, за ней небольшая келья, где обрезают принесенные Матронушке цветы. Нужно зайти и сказать:

– Можно, я поработаю во славу Божию?

Они спрашивают:

– Сколько часов вы можете поработать? Час, два, целый день?

И тебя ставят либо на подсвечники, либо на цветы. Еще нужно чистить ковры, скрести скребком пол. Таня делала всю работу, какую давали. Работаешь и просишь у матушки Матронушки. Только она и не дала сойти с ума, потому что Таня находилась в страшном состоянии – просто страшном. У нее то появлялась робкая надежда, то совершенно исчезала, и это мучительное колебание приводило в отчаяние. А тут блаженная утешала – хоть ковры чистишь, а все равно легче.

Обычно Таня работала до половины пятого, чтобы успеть к шести вечера в реанимацию. Как-то раз она заработалась – сама не поняла, как: все время на часы посматривала, чтобы не опоздать, и вдруг будто выпала из настоящего. Глянула на часы, а время уже шестой час. Никак не успеть доехать до реанимации. Тогда Таня села на лавку и заплакала. Девчонки обняли:

– Что ты плачешь?! Значит, тебе здесь нужно быть!

И она стала работать дальше. Наконец в семь вечера женщины присели в келье, стали разбирать записки. Нужно было уходить, и Таня на прощание подошла к мощам святой. При-

ложились – и неожиданно, но совершенно реально Матронушка накрыла ее своим покрывалом. Стоит Таня – и словно бальзам на душу ей течет. И стало так хорошо, так легко! Будто Матронушка пожалела и взяла на свою многострадальную душу и ее скорбь. Это было как материнское объятие – такое сильное ощущение ласки, заботы, утешения. Очень сильно! Таню словно притянуло к раке с мощами, так что она не могла оторваться, подняться, и совершенно не хотела – настолько хорошо ей было под покрывалом блаженной Матронушки. Таня не испугалась, будто так и должно было быть. Ей казалось, что прошло очень много времени рядом со святой, и хотелось, чтобы это утешение длилось, не заканчивалось.

Лежит ваша красавица, песни поет

И после этого все изменилось. Таня пришла в реанимацию с утра, задолго до одиннадцати часов, никак не могла дождаться появления врача. Врач вышел, как обычно начал рассказывать о состоянии детей. Рассказал одной мамочке – она ушла, рассказал другой – и она ушла. И наконец Таня осталась наедине с врачом. Она смотрела на него со страхом: вот сейчас он сообщит ей о смерти дочери. Но он улыбнулся:

– Все хорошо. Лежит ваша красавица, песни поет.

– Как это песни поет?!

Таня хорошо знала: когда трубка стоит в горле, голосовая щель не смыкается и человек не может звуки издавать. Но доктор сказал:

– А пойдемте, посмотрите.

Таня еще знала: посторонних никогда, ну или почти никогда, не пускают в реанимацию. Но доктор добавил:

– Что же вы сразу не сказали, что мы коллеги? Я вас специально последней оставил, чтобы с собой провести.

Таня думала, что уже и глазок открытых не увидит у дочурки, а тут – лежит Машенька и маме улыбается. Открыла свой беззубый ротик – и улыбается. И так мелодично агукает, курлыкает – на самом деле, словно песенку поет на всю реанимацию. И Таня подумала: «Это все молитвами матушки Матронушки»...

С того самого дня она приходила, как все мамочки, к одиннадцати, ждала, пока они все уйдут, и, переодевшись в белый халат, шла к дочке. Доктор ничего не говорил ей, просто открывал дверь и пропускал вперед. Он разрешил Тане самой ухаживать за Машенькой: делать санацию – отсасывать аппаратом мокроту, делать массаж, кормить через зонд. Врачам, как и самой Тане, было понятно: домой младенец уже не вернется, с аппарата ее не снимут. И просто поухаживать за дочкой, побыть с ней – это последнее, что оставалось Тане. Последнее, что было в ее силах и возможностях.

Доктор мягко сказал ей, что они не практикуют такого, но сделали для нее исключение, потому что Таня – реанимационная сестра. Как они только узнали, что она работает в реанимации? В истории болезни записали при поступлении ее профессию, но до этого дня никто ею не интересовался.

Четыре месяца лежала Машенька в реанимации. Болезнь ослабляет мышцы, а сердце – это большая мышца. И в конце концов ее маленькое сердечко остановилось. Ей исполнилось семь месяцев. Наступили майские праздники, но в 2007 году май стоял холодный, дул сильный ветер. Машенька лежала в маленьком гробике в одном костюмчике, и Тане все казалось, что дочке холодно. Она пыталась укрыть ее, но окружающие не понимали, боялись за ее рассудок, оттаскивали от гробика.

Могла ли святая блаженная Матрона вымолить младенца от смерти? Многих она поднимала от смертного одра. Но, видимо, был какой-то Промысл Божий о Машеньке.

Не всё мы можем понять здесь и сейчас, какие-то тайны Божии откроются нам только в вечной жизни.

Но Матронушка помогла Тане: устроила так, что она смогла провести рядом с дочкой ее последние месяцы, облегчила скорбь, утешила своей молитвой, уберегла от лютого уныния и холодного отчаяния.

Не узнала своего мужа

Пока Таня была с Машенькой, ее сын жил с бабушкой. Сначала думали, что Сережа побудет с папой. Но не получилось: Андрей начал пить. Он мог оставить сына голодным, а сам напиться. Тогда бабушка забрала Сережу к себе, а Андрей все четыре месяца пил.

Когда Таня вернулась домой – она не узнала мужа. У них всегда были такие доверительные отношения, родство душ какое-то. А теперь ее встретил чужой человек – далекий, холодный, пьяный. Когда Машенька только заболела – он вместе с Таней возил дочку в больницу, плакал, узнав о диагнозе. Начал меняться, когда узнал, что болезнь неизлечима. Стал упрекать жену: родила больного ребенка. Высказал как-то, что не может простить ей и потерянного дня, когда она поехала покупать малышке теплый комбинезон.

Таня в реанимации несколько раз снимала дочку на видео – как она агукает, как улыбается. Пыталась показать мужу, и он начал смотреть, а потом заплакал и сказал:

– Не снимай ее больше!

Все эти аппараты, мониторы в реанимации – для Тани они были привычны, а для Андрея слишком страшны.

Если бы кто-то сказал ей раньше, что ее добрый, спокойный муж так изменится – она рассмеялась бы этому человеку в лицо. Андрей не стал прежним, даже когда Таня снова забеременела и родила здоровую дочку Леночку. Мир в семью больше не вернулся.

В пьяном виде муж начал поднимать на нее руку. Первый раз ударил, когда картошка на плите не успела свариться к его приходу: Таня провозилась с детьми и замешкалась с ужином. А когда ударил впервые – словно что-то сломалось в нем самом, и потом ударить ее для него стало легко и привычно. Бил всегда в пьяном виде, протрезвев, искренне просил прощения. И она прощала. Все надеялась: вернется прежний Андрей, любимый, добрый, нежный. А он не возвращался.

Как-то раз она вязала Леночке платье из нежно-розовой пряжи. И муж, разозлившись на какой-то пустяк, выхватил у нее из рук эту пряжу, порвал очень красивое, почти связанное платьице, сломал спицы. Потом он стал агрессивным и в трезвом виде.

Еще через некоторое время начал избивать ее всерьез – садился верхом и бил. Сломал челюсть, перебил нос. После перелома челюсти долго не могла нормально есть, немели подбородок, губы, нарушился прикус. Неоднократно после побоев ее тошнило, кружилась голова – видимо, были сотрясения мозга. Гематомы в области глаз прятала под темными очками. Но подруги и коллеги и так все понимали: трудно не заметить опухший сломанный нос, синяки под глазами, кровоподтеки.

И она все равно прощала его. Как она могла так долго терпеть? Боялась, что не сможет обеспечить детей? Продолжала любить? Надеялась на то, что вернется ее прежний Андрей? Терпела шесть лет.

Она поняла потом: сильно жалела его. Ведь у нее была Матронушка – а у него никого. Ее спасла вера, а он сломался. Еще поняла: она позволяла так обращаться с собой из-за чувства вины. Это чувство было очень сильным: ведь это действительно она родила больного ребенка, и это она поехала покупать теплый комбинезон бедной малышке вместо того, чтобы лететь на крыльях в больницу. Чувствовала вину, желала наказания – и получала его.

Как-то перед Восьмым марта, тогда Таня еще любила этот весенний праздник, муж спросил у нее: что подарить? Она удивилась: в его голосе звучала прежняя нежность. В день праздника нарядилась в свое любимое лиловое платье – Андрею оно когда-то тоже нравилось. Приготовила салаты, горячее, накрыла праздничный стол и ждала его. Надеялась на цветы. Он всегда раньше дарил ей цветы. В воздухе пахло весной, воробьи купались в лужах, звенела капель, и душа оживала, радовалась, надеялась на счастье. Она смотрела в окно, а в голове кружилось радостное, щемящее душу:

*И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешини.*

*И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.*

А он все не шел. Уже спали дети, и наступали сумерки, и тихая радость в душе сменилась тревогой и страхом. Она переоделась в халат и позвонила, ответа не было, и она перезвонила еще раз, а потом еще. Дозвонилась и робко спросила, когда придет, – лучше бы она этого не делала. Он и пришел – совершенно пьяный и страшно злой, что жена помешала ему проводить время с друзьями – и не только с друзьями, как она узнала позже. Расшвырял все ее старательно приготовленные, с любовью украшенные салаты по стенкам. Проснулись и громко заплакали дети.

Большое пятно от салата на стене расплывалось, как кровь, и она почувствовала смертельный холод. Этот холод был приближением тени смертной, она узнала ее – недаром работала в реанимации. И действительно, он вышел из кухни, глаза бессмысленные, пьяные, и пошел на нее с ножом. Спасло то, что она стояла недалеко от входной двери и успела выскочить. Задышавшись, бежала по ступенькам, босые ноги скользили по обледеневшей к вечеру дороге. Упала, больно ударилась коленкой, обдирая руки, вскочила и снова бежала. Если б не убежала – убил бы.

А когда он, пьяный, уснул, вернулась. Крадучись, собрала детей и ушла из дома с одним пакетом. Так закончилась ее семейная жизнь. Он не преследовал ее, не поехал за ней к матери: через неделю привел в дом другую женщину, моложе Тани на пять лет. А через полтора года зарезал новую жену. У той остался маленький сын. Когда убил, постучал к соседке и сказал заплетающимся языком:

– Вызовите «скорую», там жене что-то плохо стало.

Соседка пошла, а та лежит – мертвая, с ножом в груди. Потом соседка рассказывала, что Андрей протрезвел немного, сел на пол рядом с убитой и горько заплакал.

Если будет воля Божия – твоя мама выйдет из комы

Людмила Константиновна, мать Тани, приятная женщина средней комплекции, с русыми кудрявыми волосами до плеч и серыми, как у дочери, глазами, выглядела намного моложе своего возраста и была человеком добрым, но строгим. Регулярно исповедовалась и причащалась. Переживала, что пришла к Богу уже в зрелом возрасте и не приучила дочь к церковным Таинствам: Таня ни разу в жизни к ним не прибегала, хотя в церковь ходила.

Дочь старательно скрывала от мамы побои мужа, а поскольку жили они в разных городах – ей это удавалось. И теперь Людмила была в шоке от приезда дочери с внуками к ней: разрыв дочери с зятем стал для нее ударом.

Безвременная смерть мужа, смерть внучки, а теперь и крах Таниной личной жизни – похоже, последний удар в череде скорбей стал для Людмилы Константиновны роковым. Она резко постарела, стала часто не помогать, и к Таниным многочисленным заботам добавился уход за матерью. Скоро подоспел и диагноз, подтверждающий то, о чем дочь, как медик, уже и сама догадывалась: рак поджелудочной железы.

Болезнь стремительно набирала ход, превращая цветущую женщину средних лет в изможденную старуху. Первое время ее духовник, отец Павел, приходил к ним домой. Когда начались боли, Людмила Константиновна возроптала и отказалась исповедаться и причащаться, твердо и мрачно сказала:

– Если бы Он был – Он бы меня исцелил!

Вскоре после этого у нее начались жуткие страхи: она в ужасе смотрела в пространство рядом с собой и видела то, что закрыто человеку в обычном состоянии. Отец Павел благословил Таню читать девяностый псалом, и когда она молилась – мама спокойно засыпала, напряженное лицо разглаживалось, умиротворялось.

Потом мама перестала кушать и целый месяц ничего не ела. Таня поставила ей катетер и вводила питательную смесь в вену – такое кормление полностью обеспечивает организм необходимым. И за счет этого мама прожила этот месяц. Таня вводила ей кровоостанавливающие лекарства – но понимала, что нужно прекратить лечение и не мучить умирающую. Потом мама впала в кому. Из рта у нее начала сочиться кровь, появился жуткий запах распада. Таня сидела рядом с мамой с пеленкой в руках и собирала текущую тонкой ниточкой алую струйку. Сидела и молилась.

Вызванный батюшка наотрез отказался причащать умирающую в бессознательном состоянии, и Таня впала в ступор: значит, ее верующая мама уйдет без причастия?! Уйдет вот такая – в ропоте, в отрицании, в ожесточении?! Отец Павел дал Тане читать книгу отца Даниила Сысоева и твердо сказал:

– Если будет воля Божия – твоя мама обязательно выйдет из комы, покается и причастится перед смертью.

Он мог сказать это кому-нибудь другому, но только не реанимационной сестре. У Тани вырвался нервный смешок: она хорошо знала, что из такой комы люди не выходят.

Когда начинается кровотечение изо рта – это означает, что пошел распад опухоли, продукты распада отравляют организм токсинами, и больные впадают в токсическую кому. Эти токсины – они никуда не деваются, они отравляют организм все больше и больше, и поэтому из токсической раковой комы больные практически не выходят. Даже сама кровопотеря ведет к смерти: выходит вся кровь – и больной умирает.

Но на седьмой день кровотечение прекратилось, и обессиленная Таня, спавшая урывками, отключилась. Проснувшись, она не поняла сначала и решила, что видит продолжение сна. Мама в полном сознании сидела на кровати и спрашивала у дочери, который час и что случилось: почему они обе в постели. Стоял август, окна в доме были открыты, свежий ветерок гулял по комнатам. Таня принялась – ушел отвратительный запах. Этого не могло быть, это было совершенно исключено, но ее мама сидела на кровати, как будто никогда не болела, и просила покушать.

– Что тебе приготовить, мамочка?

– А вот там на столе – что? Арбуз? Отрежь мне кусочек!

В конце августа с машин продавали арбузы, и Таня купила один детям – спелый, сочный, сахарный, тающий во рту. Таня не верила собственным глазам: мама с большим удовольствием ела арбуз. Это было настоящее чудо!

Ласковый ветер шевелил занавески, ласковый луч скользил по стенам, и мама улыбалась – совсем как до болезни. Таня срочно позвонила батюшке, и отец Павел немедленно приехал. Он сказал ей:

– Вот видишь, я же тебе говорил, а ты усмехалась. Сарра тоже усмехалась – а там, где Господь хочет, изменяется естества чин.

Пока они разговаривали в коридоре, слышались шаги – бывшая умирающая прошествовала мимо них своим ходом в туалет, и у Тани от изумления подкосились ноги.

Людмила Константиновна долго исповедалась батюшке. Что она видела в своей коме? Каких видений сподобилась? Это осталось тайной. Но у нее больше не было ропота, не было сомнений, ушло безверие. Рядом с батюшкой и Таней оказался мужественный человек, готовый исповедать свою веру перед лицом смерти. После исповеди отец Павел причастил Людмилу Константиновну.

Когда батюшка ушел, она позвала дочку и взяла с нее обещание, что Таня будет регулярно исповедаться и причащаться. После этого утомленная больная крепко уснула. Больше она уже не проснулась. Через два часа у нее началось агональное дыхание Куссмауля – слабые редкие дыхательные движения малой амплитуды, и Таня стала читать канон на исход души. И так удивительно совпало: с последними словами канона мама отошла ко Господу.

Таня позвонила отцу Павлу, и он сказал:

– Сегодня двадцать восьмое августа. Я знал, что она уйдет на Успение: твоя мама всегда очень почитала Пресвятую Богородицу, каждый день читала Ей акафист, и вот Божия Матерь взяла ее с Собой.

Отец Павел дал Тане ключи от небольшого храма в честь святителя Николая Чудотворца – в нем служба была только по выходным дням. Таня занималась организацией похорон, а саму точила мысль: храм такой маленький, на улице жара, вот придут люди маму проводить – и ужаснутся запаху.

Когда она, затаив дыхание, открыла большую, тяжелую дверь храма – не почувствовала никакого запаха. Подошла к маме – от тела исходило благоухание. Запах такой церковный – тонкий, приятный аромат. Так благоухает самый лучший ладан. Таня взяла маму за руку – и ее рука тоже пахла этим тонким ароматом. И сама Людмила Константиновна лежала такая красивая, мирная, будто и не было страшной болезни.

«Что же ты мамин наказ не выполняешь?»

После смерти мамы Таня долго читала по ней Псалтирь. Ходила в храм, но по-прежнему не могла решиться на исповедь. Почему? Сама не могла объяснить. Как-то позвонила подруга, и Таня долго не понимала, что случилось, так сильно рыдала Ирина в трубку.

С Ириной они познакомились в Российской детской клинической больнице, у нее тоже ребенок лежал в реанимации, правда, его лечение закончилось благополучно. Ирина имела специальность переводчика, знала несколько языков и при этом умудрялась воспитывать пятерых детей. Также она оказалась человеком верующим и часто с детьми ходила в храм. Именно она посоветовала тогда Тане поехать к святой блаженной Матронушке.

И вот сейчас у Ирины стряслась беда: будучи беременной шестым ребенком, она узнала на УЗИ, что плод имеет множество аномалий и синдром Дауна. Врачи настаивали на аборте, но она отказалась. Видела на УЗИ сердечко ребенка...

Таня не знала, чем помочь подруге, пыталась утешить, успокоить. На следующий день Ирина позвонила снова: узнала, что в выходные в храм приезжает Оптинский старец Илий (Ноздрин), и предложила вместе попытаться попросить молитв старца.

Когда батюшка вышел, около него мгновенно образовалась толпа народу, и Таня встала в уголочке. Старец пошел к выходу, и Таня наконец решилась подойти к нему. И сама не

поняла, как оказалась рядом с батюшкой. От неожиданности и близости старца она закрыла лицо руками и начала плакать. Всегда была не робкого десятка, а тут – плачет как дитя малое и остановиться не может.

Выглянула из-под руки, а батюшка улыбается ей. Так ласково, что слезы сами высохли. И все слова куда-то пропали. Стоит и молчит. Тогда старец сам обратился к ней:

– Что же ты мамин наказ не выполняешь?

Таня только потом сообразила: откуда же он узнал про материнский наказ?! А тогда призналась робко:

– Я просто боюсь, батюшка. Никогда в жизни не исповедалась. Груз тяжелый на душе. И так страшно первый шаг сделать!

– Благословляю тебя ходить на исповедь к священнику этого храма, отцу Дионисию. И не забывай, что все это по молитвам твоей мамы! Храни Господь!

Тане показалось, что разговор со старцем длился минуты две, не больше. Но подруга сказала ей, что она находилась рядом с батюшкой десять минут. Ирине тоже удалось поговорить со старцем, и она плакала от радости: он пообещал помолиться за нее и младенца и благословил каждый день читать «Богородице Дево, радуйся».

Нужно сказать, что на следующем УЗИ у младенца не выявили никаких аномалий – здоровый ребенок. Такое чудо по молитвам старца... Не так давно Татьяна исповедалась и причастилась в первый раз в жизни. Она растит сына и дочь и перешла работать в онкологический диспансер. Что еще добавить? Пожалуй, только то, что имена героев рассказа изменены по их просьбе.

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

Лальские тайны

От автора. Наверное, все православные России знают об удивительном «стоянии» девушки Зои из города Куйбышева (ныне Самара), которая в 1956 году окаменела во время танца с иконой святителя Николая Чудотворца в руках и в таком состоянии находилась сто двадцать восемь дней – с Рождественского поста до Пасхи. Когда-то, узнав об истории, я задавалась вопросом: насколько этот случай уникален и не было ли похожих на него случаев в нашей стране?

История с девушкой Валентиной, которая произошла в городе Лальске, и стала ответом на мой вопрос. Эта история и легла в основу настоящей повести, написанной мной по благословению и при содействии настоятеля Благовещенского собора Лальска священника Романа Зайца.

15 июля 1980 года. Решила вести записи в дневнике каждый день, посмотрю, как получится.

Сегодня, в полдень, я добралась до места своего распределения. Доехала чуть живая: грунтовая дорога от Лузы до Лальска – та еще! С одной ее стороны уложены плиты, которые лежат не очень ровно. Да вдобавок плиты эти давно разъехались в разные стороны под давлением тяжелых лесовозов. Вот и получается тряска изрядная... Ну ничего, главное – доехала!

Девчонки из группы завидовали, что меня, как отличницу, распределили не куда-нибудь в село, а в старинный город Лальск. Да еще и с предоставлением собственного жилья! Это просто здорово!

Правда, городок совсем маленький, больше на деревню смахивает, зато все здесь дышит стариной: дощатые настилы тротуаров, проселочные, густо покрытые пылью дороги, деревянные избы и старинные каменные дома, добротные такие, прошлого века и даже позапрошлого, – это я как учитель истории и опытный краевед могу точно сказать. Много смешанных домов с каменным фундаментом и деревянной надстройкой, лепные фронтоны... Флигели, чеховские мезонины, откуда льется мягкий зеленый свет абажуров, – что-то близкое, родное, знакомое... Так и кажется, что из какого-нибудь мезонина раздастся тихое и печальное: «Мисюсь, где ты?»

По количеству населения Лальск тоже больше на село походит – жителей тысяч пять-шесть, не больше. А вот высоченные старинные церкви, изумительно красивые, соединенные арочными переходами, сделали бы честь любому губернскому городу. Еще нужно будет в музей краеведческий обязательно сходить – люблю я все это: старые вещи, старые пожелтевшие фотографии – хранители времени. Удивительно: человека уже давным-давно нет, а буфет хранит прикосновение его рук, кресло помнит тяжесть тела, книга – касание пальцев. Словно хозяин передал своим вещам частицу тепла, частицу души, память о себе. Связь времен.

Прямо с автобусной остановки пошла в школу, оформляться. Нашла быстро, да тут и искать-то нечего: все близко. Старое деревянное здание с огромными окнами и высоченными – метра четыре высотой – потолками. В каждом кабинете – своя дровяная печка. Топить, наверное, нужно долго, уж слишком потолки высокие, пока прогреется такой класс... Пахнет краской, чистотой, старые парты томятся в ожидании своих шустрых хозяев.

Директора не было на месте, завуч строгая, но, кажется, заботливая, сказала, что они меня ждали, что на работу нужно выходить в конце августа. Двадцать шестого – педсовет. Еще сказала, что мне очень повезло: в этом году школа переедет в новое каменное здание с большим актовым залом и прекрасным спортзалом, так что я буду учить детей в новой школе.

Потом она попросила двух девочек-старшекласниц отвлечься от покраски парт и напоить меня чаем. Одна из них, черноволосая, веселая, спросила меня, в каком классе я буду учиться, и сильно смутилась, узнав, что я учитель, а не ученица. Меня угостили пирожками с картошкой. Съела сразу три. Еле удержалась, чтобы не взять четвертый.

После чая, по просьбе завуча (забыла ее имя, нужно было сразу записать), вторая девочка, рыженькая, с веснушками, Ася, проводила меня в мое новое жилье, недалеко от школы. Шли мы с ней почти всю короткую дорогу молча: она сильно смущалась, вспыхивала румянцем до самых рыжих корней волос на все мои незатейливые вопросы о школе и городе и отвечала так коротко и односложно, что я перестала и спрашивать.

Мы с Асей пришли к небольшому одноэтажному деревянному дому по улице Красноармейской. Комната с отдельным входом, с торца, оказалась неожиданно маленькой и темной, с единственным небольшим окном, покрытым толстым слоем пыли. У меня появилось подозрение, что раньше здесь были сени или кладовка. Круглый, покрытый непонятного цвета скатертью стол, старинный темно-коричневый буфет, такой же старинный комод, табурет, узкая кровать с железными шариками на железных спинках, на койке – сильно продавленный посередине матрас, тонкое солдатское одеяло не первой свежести. Нужно будет его постирать в речке. В углу пустая божница. Кривое зеркало в разошедшейся раме. Стены грязные, в углу паутина. Печка тоже старая, с трещинами. Затхлый кисловатый запах.

Вышла на улицу, осмотрелась. Недалеко – колокольня и два больших, старинного вида храма. Познакомилась с соседями – молодая семья несколько цыганистого вида. Четверо чумазых детишек мал мала меньше копошились с другого конца дома: кто в куче песка, кто со сломанным велосипедом.

Хозяйка семейства, жгучая брюнетка Тамара, высокая, полная, с крупными чертами лица, но довольно красивая, ответила на мои вопросы. Рассказала, где хлебный магазин, где продуктовый. Про красивые храмы рядом с домом сказала: «Слева, кажется, Воскресенский собор, справа вроде Благовещенский, но мы в них не ходим, и тебе там делать нечего, что и спрашивать зря»...

Разговаривала она со мной неохотно и как-то грубовато. Несколько раз повторила:

– И чего только занесло тебя в наши края?! Чего тебе дома-то не сиделось?!

То ли не в настроении была, то ли я ей не понравилась – пока непонятно. Показала мне также мой сарайчик с дровами и заросший бурьяном небольшой участок земли тоже с торца дома. Да, не так я себе представляла жилье для молодого специалиста!

Ну ничего, ведь я оптимист! Приведу все это в порядок, наведу уют... Достала мамину фотографию в рамочке – и отчего-то начала плакать. Слезы лились сами. Mamочка, почему ты ушла от меня так рано?!

Мне так одиноко, мамочка, так одиноко на белом свете! Сначала бабуся, а потом ты... Вы обе бросили меня! И мне так плохо!

16 июля. Что-то я вчера расклеилась. Ночью тоже спала неважно, было прохладно в комнате, а одеяло слишком тонкое. Очень холодное жилье, ветер дует из всех щелей – как я буду жить здесь зимой?

Ночь оказалась светлой – здесь в июле белые ночи.

*Бледнеет ночь... Туманов пелена
В лощинах и лугах становится белее,
Звучнее лес, безжизненной луна
И серебро росы на стеклах холоднее...*

Шуршали мыши, и я несколько раз просыпалась от шороха: в незанавешенном окне тускло мерцали серые сумерки, странные тени копошились в углу, пронзительно кричала ночная птица. Мне хотелось спрятаться с головой под одеялом, но оно так неприятно пахло...

Я засыпала, снова просыпалась, сердце колотилось, перехватывало дыхание от непонятного страха, и мне казалось, что это тени старых хозяев комнаты, недовольных моим появлением здесь, скрипят старыми половицами, качаются на некрашеном табурете. А на самом деле это конечно, были просто мыши – ведь я уже взрослая и не верю в привидения, духов, ангелов и прочие сказки.

Мне срочно нужен кот! Такой толстый и серьезный кот, от одного вида которого мыши навсегда покинут мою квартиру. Этот кот будет сидеть рядом со мной и важно следить, как я проверяю тетради моих будущих учеников. И когда я улыбнусь какой-нибудь забавной ошибке – он будет смотреть на меня понимающе и тоже улыбаться по-своему, по-кошачьи. И нам будет уютно вдвоем. И никаких странных теней в углах этой чужой комнаты.

С утра мне стало лучше. При солнечном свете все выглядит гораздо привлекательней. Ничего, Дашка, прорвемся! Мама звала меня Дашуткой... Больше меня так никто не зовет и звать не будет.

И любить не будет, так как она... Стоп! Я не буду плакать! Вот ни за что не буду! Буду сильной и смелой – такой, как хотела видеть меня мама. Сейчас пойду и все разведу.

Пишу вечером. Обнаружила колодец рядом с домом, вода вроде бы чистая, вкусная. Ледяная – зубы ломит! Нашла в дровянике старое корыто, постирала одеяло и скатерть. Толком не отстирались, но уже нет неприятного запаха. Повесила их на забор на солнышко – пусть пахнут солнцем и травами. Помыла окно и пол. Дверь в комнату не закрывала весь день – затхлый запах вроде бы ушел.

Еще нашла в старинном буфете посуду: кастрюля, сковорода, кружки, тарелки. Тарелки даже, можно сказать, красивые, с цветочками голубыми, ничего, что немного сколотые. Вот у меня и свое хозяйство образовалось. Прибегала вчерашняя рыженькая Ася, покраснев, молча вручила мне сетку с картошкой, бутылку растительного масла, пачку чая и булку хлеба. Живем!

Нужно будет сахару купить. Может, варенья раздобуду у местных...

В дровянике нашла еще старую, совсем темную икону. Непонятно, кто на ней изображен. Хотела оставить ее лежать, где лежала, – на дровах, но не смогла. Бабушка Людмила, маленькой я звала ее баба Мила, так верила в Бога, так молилась перед иконами – и я взяла эту старую икону и поставила ее на комод.

Милая моя, хорошая бабуся, если бы было правдой все, о чем ты мне в детстве рассказывала, разве бы осталась я совсем одна?! Разве бы ты бросила меня?! Ведь ты была еще и не старой! А мамочка?! Так. Всё, не буду больше, а то опять начну хныкать... А икона пускай стоит – на память о бабе Миле.

17 июля. Сегодня спала лучше: хоть и тревожно, и часто просыпалась, но смотрела на икону – и как-то быстро успокаивалась и засыпала снова. Утром мне показалось, что икона стала светлее. Но этого не может быть, видимо, просто вчера я плохо ее разглядела. Кто на ней – по-прежнему не разобрать.

С соседской половины доносится детский гам, но так, приглушенно. А на улице – полная тишина, народу совсем не видно. В соседнюю избу только кто-то постоянно заходит и выходит. Магазин там, что ли? Нет, вроде не магазин. Кто там живет? Отчего все туда идут? За самим? Нет вроде... С детьми идут, старушки в платочках, женщины молодые... Таинственное что-то... Обожаю тайны!

Сегодня я гуляла по Лальску. Ну что сказать о нем? Затерянный в тайге городок. Русский Север, самый глухой угол Вятской земли, образцовая глухомань... Речка Лала прохладной серебристо-голубой лентой огибает город. Произносишь: «Лальск» – словно круглые камушки

перекатываются во рту, дудочка-жалейка выводит печальные трели, бело-молочный туман стелется над полем...

Безлюдные сонные улочки. На улице Пролетарской пролетариата не видно. В маленьком, в два окна, домике – столовая, на двери замок. На одном из домов плакат: нарисовано большое ведро и под ведром подпись: «На пожар являться с инвентарем!» Лопухи, бурьян, крапива, колодезный журавель. Устал, по всей видимости, старый город Лальск. Не нравятся ему, возможно, новые названия старинных улиц: Ленина, Демьяна Бедного, Социализма. Что-то у отцов города с фантазией не очень...

Шла по улице Социализма – спину словно огнем буравил чей-то тяжелый взгляд, чувствовала его лопатками, аж мурашки побежали. Оглянулась – никого. Дом с забитыми ставнями – нежилой, но аккуратный. Такое чувство, словно наблюдают оттуда. Стало не по себе в этом странном безлюдном городе. Пошла быстрее, почти побежала, потихоньку успокоилась. Ощущение того, что за мной наблюдают, пропало. «Если у вас паранойя, это еще не значит, что за вами никто не следит». Ха!

Фикусы и герань в открытых окнах, горячий ветерок чуть колышет тюлевые занавески, на подоконниках спят толстые, важные лальские коты. Вот такого мне и нужно! Только взять котенком – чтобы он привык и был совсем-совсем мой!

На улице высокая худая старушка, в длинной до пят юбке и старинного покроя серой блузке с высоким воротничком-стойкой под горлышко, множество маленьких перламутровых пуговичек на солнышке блестят, катает синюю коляску с большими железными колесами. Ворчит на хныкающего внука:

– Урас на тебя напал, что ли?! Аль попеть захотел? Еще гунь!

«Урас» – это «каприз», «еще гунь» – это что-то типа «еще попробуй, похнычь мне». Да за этой бабушкой можно записывать! Мы диалекты в кружке изучали. Люблю это дело. Нужно будет позаписывать местный фольклор, как на практике в университете записывали старинные песни и былины. Северорусское наречие – старинное, этот говор сохранил особенности русского языка времен Иоанна Грозного...

Вот, скажем, о худом теленке говорили: «Телушка-та морная!» Или: «Глико, че диятся...» – «Погляди, что делается!» А то предлагали отведать окрошки: «Сопи ну-ко! Укусная ведь окрошка-то!» Вроде бы слова непонятные, а смысл – понятен!

Еще запомнила былинку-шутку. Гость Усольского уезда спрашивает у местного жителя: «Почему у вас говорят «буди» и что это означает?» Местный житель отвечает: «Не, у нас так не говорят, буди в Устюге!»

– Чево снуешь туды-сюды?

А это старушка, кажется, меня спросила.

– Это вы мне?

– Тебе-тебе! Ходит туды-сюды, как баровна... Платок повяжи на голову – напечет... Эво како ерило севодня – день-то вылавдися! Учительша новая, небось?

– Да, историю буду преподавать...

– Молочка надоть?

– Спасибо, я с удовольствием...

– Вон мой дом, вишь, с синими ставнями. Заходи опосля, вечерком. Баба Галя я.

Молочка налью аль простокишу. Простокишу любишь?

Киваю усердно головой, но пока не знаю, люблю ли я ее простокишу – то есть просто-квашу. Улыбаюсь бабушке, а ей мне улыбаться особенно некогда. Ушла баба Галя, увезла скрипучую коляску и хнычущего внука, и опять все тихо, глухо, а у меня сердце замирает: одна, совсем одна в новой жизни. Когда-то в детстве я мечтала о путешествиях и приключениях, и вот теперь чем не приключение?! Все новое, таинственное, неизведанное!

Пишу вечером. В соседнюю избу без конца идет народ, какое-то столпотворение для этого тихого городка. Вот опять женщина пошла – голова низко опущена, платочек к глазам прижимает – плачет, что ли? К кому они все ходят? Кто там живет? Нужно будет разгадать эту тайну.

Ложусь спать, для записей уже темновато, хотя полной темноты нет – просто сумерки. Этого тусклого сумеречного света вполне достаточно, чтобы свободно ходить по избе и не включать ночные фонари на пустынных лальских улочках. Покой, полный штиль, и тугая осязаемая тишина, которую, кажется, можно потрогать. Белые ночи – как в Ленинграде...

*И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.*

*И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.*

18 июля. Снова осматривалась, гуляла. Попала в общественный музей. Он пока совсем небольшой, еще только рождается, но его работники – энтузиасты! Мечтают сделать музей краеведческим, мечтают о выставках. Эх и хорошо там было! Историк-краевед в музее – что овечка на пастбище.

Этот прохладный старинный двухэтажный особняк до революции находился во владении простого инженера бумажной фабрики Прянишникова. В наше время не то что инженер, а и директор фабрики такой особняк вряд ли себе построит. Мне были рады, завели для меня сверкающую сталью музыкальную машинку Прянишникова. Заскрежетала старая машинка, поднапряглась – и странная грустная мелодия разнеслась по гулким комнатам особняка, давно покинутого своими хозяевами.

Нужно записать то, что узнала об истории Лальска. В этих краях издавна жили русские вперемежку с чудью. В 1570 году новгородцы, числом около шестидесяти человек, бежали от немилости царя Иоанна Грозного. Долго они странствовали по полям, лесам и чужим весям, пока не заметили себе место, подходящее для жизни. Основали Никольский Лальский Погост в шестьдесят четыре двора и построили на берегу реки Лалы деревянную церковь во имя святителя Николая Чудотворца, заступника путешественников.

Уже в 1711 году возвели внуки и правнуки тех новгородцев свой первый каменный храм в честь того же любимого ими святого. Заведующая музеем сказала мне, что здесь его края. Дескать, основатели города молились святителю Николаю, чтобы он стал хранителем этих мест. Совершенно серьезно причем все это рассказывала. Вот какой народ здесь дремучий!

Моя баба Мила, кстати, очень почитала Николу Чудотворца, но у нее образование было два класса церковноприходской школы, а заведующая музеем – молодая женщина, наверняка с высшим образованием... Такие вот дела...

На стенде об истории Лальска прочитала, что золотым веком для города был восемнадцатый. Тогда по денежному обороту Лальск входил в восьмерку самых богатых русских городов. Именно в эти годы город украсили семь великолепных белокаменных храмов. Зачем так много храмов на такой маленький городок – ума не приложу! На колокольне лальские граждане Попов и

Рысев повесили знатные часы: их огромные длинные стрелки были видны за километр, и каждый житель города мог знать, сколько сейчас времени. А для тех, кто жил в окрестных

деревнях и рассмотреть стрелки не мог, раздавался бой часов, по тембру напоминавший бой часов знаменитой Спасской башни Кремля.

Жизнь здесь текла размеренная, мирная, по ночам город обходил караульщик, через каждые пятнадцать минут стучал в колотушку: свидетельствовал, что в Лальске все спокойно.

Также здесь жили купцы-удальцы: купец Иван Саватеев трижды по государеву указу воевал караваны через Сибирь в Китай. Торговый путь лежал через Ярославль, Устюг, Лальск, Соль-Каменную, Тюмень, Тобольск, через Балагинский острог, где перегружались на верблюдов, через китайское село Наун в Пекин. Государевы караваны насчитывали по восемьсот человек и везли из далекого Китая фарфор, чай, чернила, даже жемчуг.

Из Лальска же везли местных белок и куниц, чьи теплые и богатые меховые шкурки красовались даже на старинном гербе города. Местные хвалились «знатным торгом мягкой рухлядью», то бишь мехами. Эх, на мое бы да убогое пальтишко такую мягкую рухлядь – я бы не отказалась! В 1710 году прибыль предприимчивого купца Саватеева составляла 1/4 часть всего государственного годового дохода России. Молодчина Саватеев! Знай наших!

Отважные лальские купцы ходили также по морям-океанам, и благодаря их странствиям были, оказывается, открыты неизвестные берега Камчатки и Аляски, острова Алеутской гряды.

Все эти купцы были как на подбор еще и благотворители, что опровергает расхожее мнение о толстопузых купчинах, набивающих свой карман... Денежки свои многочисленные эти нетипичные (или типичные?) купцы жертвовали на храмы, на странные дома (то бишь странноприимницы), помогали бедным согражданам. Лальский купец Бобровский основал приют для подкидышей и богадельню для престарелых и убогих. Купец Сумкин фабрику бумажную построил, а бумага его получила золотую медаль в Лондоне, серебряную – в Париже... Эти же неутомимые купцы построили в Лальске театр с собственной театральной труппой – во как!

Я подошла поделиться своим восторгом по поводу таких замечательных купцов к заведующей музеем, но она ответила печально:

– Все это, девушка, в прошлом... Сейчас у нас в лесах волков много развелось, в город заходят – недавно у заправки собачку съели. Да-да, не удивляйтесь – слопали! Только голова и осталась... Без ушей... Да... знал наш город и лучшие времена... А вы заходите к нам! Вы же истории учить будете детишек – вот и будем сотрудничать. Будете к нам в музей с ребятами ходить!

20 июля. Познакомилась поближе с бабой Галей, теперь я каждый день беру у нее молоко. Каждый день, потому что холодильника у меня нет, пью свежее. Вкус этого молока необыкновенный – чистый, чуть сладковатый, с приятным ароматом... Баба Галя продает мне его совсем дешево, смотрит жалостливо, приговаривает: «Пей, доча, эка морная...» Я потом внимательно посмотрела на себя в свое старое зеркало в рассохшейся раме: лицо худое, шея тощая. Действительно «морная». Глазищи большие, хвостики белокрысы в разные стороны торчат. Сюрреализм какой-то... И есть все время хочется, а денег мало осталось, нужно экономить...

Икона на комодке явно стала еще светлее, это очень странно. Этому должно быть научное объяснение, только пока не знаю, какое... Кто изображен на иконе – пока непонятно.

В соседский дом продолжается наплыв народу – идут и идут. Домик, главное, такой неказистый... Спросила у бабы Гали, она сказала, что там живет болящая Валентина. На мой вопрос, чем эта Валентина болеет, ничего не ответила. Сказала только: «Валечка – человек Божий! Господь ей многое открывает...» Я невольно скептически хмыкнула и, конечно, зря не удержалась, потому что баба Галя обиженно поджала губы и замолчала. Молча налила мне полный стакан своей простоквиши и отправилась на огород, всем своим видом показывая, что недосуг ей со мной лясы точить. А простоквиша хороша: густая, вкусная, сытная!

21 июля. Баба Галя добрейшей души человек, но если рассердится – мало не покажется! Записывать за ней вятский говор можно бесконечно! Сегодня, пытаюсь утихомирить внука, на которого «урас напал», приговаривала: «Сейчас ухват возьму и глазенки тебе повыковыриваю!» Вот такая скупая любовь северных народов!

23 июля. Вести дневник совсем некогда, прости меня, мой дорогой дневничок! Готовлюсь к урокам, пишу конспекты. Хожу купаться в речке Лале, гуляю.

Пока ни с кем, кроме бабы Гали, не подружилась. Пыталась наладить отношения с соседями, но черноволосая цыганистая Тамара как-то сердито смотрит на меня прищуренными глазами, на вопросы отвечает неохотно, сквозь зубы. И я перестала подходить к их половине дома. Недавно, возвращаясь с прогулки, увидела, как Тамара стоит у моего окна, прижавшись носом к стеклу, и рассматривает мою убогую комнатенку. Что она там хотела увидеть?!

В другой раз она сыпала у моего порога что-то типа мака или уж не знаю что и странно водила руками. Увидев меня, фыркнула сердито и ушла, не отвечая на мое недоумение.

После этого мне всю ночь снились кошмары. Какие-то ужасные существа лезли в окно и дверь, а от иконы на комодѣ вспыхивали лучи, эти лучи тянулись к страшилищам, касались их и как бы попадали. И страшилища пропадали один за другим, а потом снова лезли, карабкались в окно, тянули ко мне свои жуткие лапы и снова пропадали от светящихся лучей. И я так плохо спала и всю ночь металась по кровати. Утром встала с тяжелой головой, меня знобило, внутри сидел какой-то холодящий душу, липкий страх.

Икона на комодѣ стала еще светлее, и теперь стали четко видны очертания мантии. Это явно какой-то святой. Я зачем-то взяла икону в руки, через силу вышла вместе с ней на улицу, присела на заваulinke. Светило солнце, птицы пели, букашки всякие ползали – и эта обыденность, обычность летнего утра подействовала на меня успокаивающе. Постепенно ушел озноб, а вместе с ним и тянущий липкий страх.

24 июля. Сегодня, как обычно, проходила мимо одного из соборов и решила заглянуть: здесь могут быть старинные фрески, иконы и другие предметы старинного быта. Собор – большой, просторный, гулкий и совсем пустой, только за свечным ящиком – маленькая седая старушка. Глаза внимательные, платок по самые брови. Она молча смотрела на меня и ничего не говорила. Потом опустила голову и снова стала перебирать свои свечи. Я поняла, что это, наверное, означает, что мне можно сюда зайти и все посмотреть.

Прошла вглубь, и мои шаги гулко разносились по всему собору, нарушая его глубокую тишину. А потом я остановилась и прямо не могла больше двигаться – была как-то оглушена этим старинным храмом, сама не знаю почему, он на меня очень сильно подействовал. Я замерла на месте, и вдруг вокруг меня тонко запахло чем-то церковным, наверное, ладаном. Запах усиливался, шел волнами, мгновение – и все вокруг наполнилось благоуханием. Солнечные лучи освещали старые иконы, перебегая от одного образа к другому, и глаза изображенных на иконах оживали, наполнялись светом и смыслом.

Я почувствовала себя странно, очень странно – не могу найти слов: какая-то странная сила, которая проникала во все клеточки моего тела, как-то приподнимала его, делала легким, почти бесплотным. Мне стало страшно от этих непонятных чувств, и я беспомощно стояла на одном месте, не двигаясь. А храм – огромный, полный света и воздуха, живой, смотрел на меня ликами своих икон, прямо внутрь, прямо в меня, и мне казалось, что те, кто на этих иконах – они совсем живые!

А потом у меня вдруг потекли слезы – да так обильно, что пришлось закрыть глаза. И в это время я явно почувствовала, что меня Кто-то обнимает – я ощущала тепло ладоней на своей спине. Такое ласковое тепло и еще странное, невыносимо странное чувство, что я ВЕРНУЛАСЬ домой!

Вот такое наваждение! Это правда, что религия – опиум для народа, да еще какой опиум! Вот я просто зашла сюда, и уже такое творится... А ведь я материалист, историк!

Старушка за ящиком, видимо, поняла, что со мной что-то не то происходит, подошла, взяла за руку, повела и усадила на лавку. Принесла мне чистый, пахнущий каким-то тонким церковным запахом белый платочек и кружку холодной воды:

– Пей, детонька, не бойся!

Я осторожно вытерла слезы этим непонятно пахнущим платочком, выпила воды и глубоко вздохнула. На меня сочувственно смотрели из-под темного платка ярко-голубые, совсем не старушечьи глаза:

– Ты, что, детка, никогда в храм не заходила раньше?

– Заходила, еще в детстве, с бабушкой.

– А храм-то какой был?

– Городской, начала века. Он закрытый стоял долго, а потом его открыли, и мы с бабушкой в него ходили. Пока бабушка не умерла...

– Наш собор, детонька, триста лет назад возвели, и все это время отсюда молитва ко Господу поднимается... Намоленный храм-то... Некоторые приезжают, городские, да кто в старых храмах не бывал – очень чувствуют старину и намоленность нашего собора. Бывает, в обморок хлопаются, кто непривыкший к церкви... А то зайти не могут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.